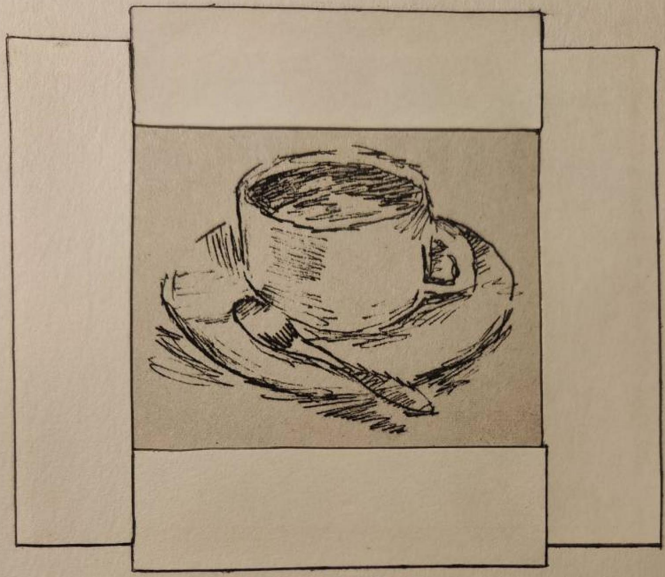

ОБъЯТьЯ

Алексей Сибуй
Объятья

https://litres.ru/74954459
SelfPub; 2026

Аннотация

Знаете это чувство, когда вроде бы всё есть: работа, квартира, друзья, даже дорогой кожаный портфель, а внутри всё равно сквозит? Главный герой этой повести именно такой: тридцатилетний мужчина, который привык наблюдать за жизнью через стекло, как биолог за аквариумом. Он ездит в метро, разглядывает лица, коллекционирует чужие разговоры и пытается вычислить формулу счастья — но сам нырять не решается. Боится намокнуть.

Это не любовный роман в привычном смысле. Скорее история о том, как два замёрзших человека случайно находят друг друга и учатся греться. О том, что тепло — это не всегда страсть. Иногда это просто кто-то, кто молча нальёт вам чай и сядет рядом. Или пёс с одним ухом, который отзывается не на имя, а на шуршание пакета.

Содержание

Мерзляк 5
Знакомство 10
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Алексей Сибуй
Объятья

А. Сибуй

Мерзляк

Я мерзну. Это не метафора и не красивый оборот речи. Я действительно постоянно ощущаю холод. Даже сейчас, когда батареи в моей съёмной квартире раскалены до состояния «не прикасайся», так как за окном декабрь засыпает город снегом, и люди в метро кутаются в шарфы, внутри меня живёт маленький аккуратный айсберг. Он не тает. Он просто плывёт по крови, и кажется, будто меня слегка обдувает сквозняком. Возможно, это не сквозняк из плохо заклеенной форточки. Возможно, это сквозняк из самого мира.

Мне тридцать. Или около того. Возраст, когда уже неприлично говорить «я ищу себя», но ещё можно делать вид, что просто наблюдаешь. У меня есть работа. Не любимая, но и не ненавистная. Офис на седьмом этаже, окно выходит на соседний бизнес-центр, где люди в рубашках сидят за столами и смотрят в мониторы. Так же, как и я.

У меня есть квартира. Съёмная, но с хорошим ремонтом и толстыми стенами, которые почти не пропускают звуки соседской жизни. У меня есть друзья. Мы переписываемся в мессенджерах, ставим лайки друг другу, иногда выбираемся в бар, пьём крафтовое пиво и обсуждаем сериалы. Всё это есть. И всё это не то.

Я не мизантроп. Я не ненавижу людей. Наоборот, я их изучаю. Я наблюдатель. Я могу ехать в метро и смотреть на лица. Вот женщина с усталыми глазами, она держит пакет с продуктами и телефон, на экране — список покупок. Вот парень в наушниках, он улыбается, глядя в телефон, наверное, переписывается с кем-то, кто ему нравится. Вот пожилой мужчина в кепке, он смотрит в окно и что-то беззвучно шепчет. Я анализирую всё: пение птиц за окном, случайные фразы, обрывки разговоров, интонации, взгляды. Я пытаюсь найти формулу счастья. Я собираю эти данные, как учёный, который изучает жизнь через толщу аквариумного стекла. Но сам я не ныряю. Я боюсь намокнуть.

Мир вокруг слишком громкий и слишком плоский. Мы живём в эпоху информационного ожирения и тактильного голода. Я могу узнать о землетрясении на другом конце планеты за секунду до того, как оно случится. Я могу посмотреть видео, где человек в другой стране готовит завтрак, и почувствовать, что почти знаком с ним. Но при этом я не помню, когда в последний раз держал кого-то за руку дольше трёх секунд. Не потому, что не с кем. А потому, что все эти прикосновения стали какими-то формальными. Рукопожатие на встрече. Объятие при встрече с другом, которого не видел полгода. Поцелуй в щёку. Всё это ритуалы, а не тепло. Я ношу наушники не потому, что люблю музыку. Хотя я её люблю. Я ношу их, чтобы отгородиться. Потому что тишина

большого города слишком честна. В этой тишине становится слышно, как ты одинок. А я не всегда готов это слышать.

Вечер. Мой ритуал. Я прихожу домой, снимаю ботинки, ставлю чайник. Чай в толстостенной кружке, шерстяной плед, окно. За окном снег идёт уже третий день. Он ложится на подоконник, на карнизы, на крыши машин. Город становится мягче, тише, словно кто-то накрыл его ватным одеялом. Я смотрю на огни соседних домов. Вон там, напротив, на кухне кто-то режет овощи. Мужчина в футболке, у него на заднем плане играет радио. Рядом с ним, наверное, жена или кто-то ещё. Они, наверное, сейчас будут ужинать. Обычный человек. У него есть эталонная жизнь, где есть тепло и смысл. Или мне просто кажется? Может быть, он тоже стоит у окна и смотрит на мой дом, думая, что у меня всё хорошо. Мы обмениваемся этими взглядами, не зная друг о друге ничего. И между нами стена. Не только стеклянная. Стена из предположений.

Я задаю себе вопрос: чего именно мне не хватает? Может, денег? Я вспоминаю, как купил дорогую вещь. Кожаный портфель. Я месяц выбирал его, читал отзывы, сравнивал модели. Когда я его купил, я чувствовал себя почти счастливым. Почти. Радость длилась ровно двадцать три часа. На следующий день портфель стал просто вещью, которую нужно держать в руке. Он не изменил меня. Он не изменил мою

жизнь. Он просто занял место на полке. Может, славы? Я смотрю на блогеров, которые кричат в камеру о своей «осознанности» и «успешном успехе». Они продают иллюзию. Я вижу, как они выматываются, как они зависимы от лайков, как они боятся тишины. Это фальшь. Мне не нужна их слава. Может, любви? Но я не хочу страсти или драмы. Я не хочу вулканов и штормов. Я хочу чего-то простого и тёплого. Чтобы кто-то молча налил мне чай и просто сидел рядом. Чтобы не нужно было ничего говорить. Чтобы можно было просто быть. Но где это взять? Как это найти? Я не знаю.

Я веду внутренний диалог с читателем. Да, с вами. Вы сейчас читаете эти строки и, возможно, узнаёте в них себя. Если вы сейчас кивнули, значит, вы тоже мерзнете. Возможно, мы с вами ищем одну и ту же формулу тепла. Мы живём в разных городах, у нас разные лица и разные истории, но внутри у нас один и тот же айсберг. Мы плывём по своим делам, улыбаемся на встречах, отвечаем на сообщения, ставим лайки, но где-то глубоко внутри мы чувствуем этот сквозняк. Мы хотим, чтобы кто-то увидел нас настоящих. Но мы боимся показаться. Мы боимся, что если мы скажем «мне холодно», нам ответят «надень свитер». Мы боимся, что нас не поймут.

Между мной и миром стоит невидимая стеклянная стена. Я вижу всё, что происходит снаружи, но звуки до меня дохо-

дят приглушённо. Я вижу, как люди смеются, как они плачут, как они любят, как они ссорятся. Я вижу, как жизнь проходит мимо. Но я не могу к ней прикоснуться. Я наблюдатель. Биолог, который изучает жизнь через стекло аквариума. Я знаю все повадки рыб, все их привычки, но я не умею плавать. Я боюсь, что если я разобью это стекло, то вода хлынет внутрь и затопит меня. Или, что ещё хуже, стекло окажется не стеклом, а зеркалом. И я увижу себя. Настоящего. И мне придётся что-то с этим делать.

Я смотрю на чай. Он остыл. Я забыл про него, пока думал. Я делаю глоток. Холодный чай невкусный. Но я всё равно пью. Потому что это ритуал. Потому что это хоть какая-то определённость. Я смотрю в окно. Там уже темно. Снег продолжает идти. Огни в соседних домах гаснут один за другим. Люди ложатся спать. У них есть завтрашний день. У меня тоже. Я знаю, что завтра будет то же самое. Я проснусь, выпью кофе, поеду на работу, буду смотреть на лица в метро, вернусь домой, налью чай, сяду у окна. И буду мерзнуть. И думать, что чего-то не хватает. И не знать, чего именно. Может быть, завтра я найду ответ. Может быть, нет. Но я продолжу искать. Потому что я наблюдатель. Потому что я не умею иначе. Потому что даже в этой пустоте есть что-то, что заставляет меня дышать.

Может быть, это и есть жизнь. Может быть, это и есть тепло. Просто я ещё не научился его чувствовать.

Знакомство

«Собаку звали Шкет. Я узнал это позже, а в тот вечер просто увидел, как кто-то в тёмном пальто сидит на корточках у фонаря и что-то говорит в снег.»

Я шёл через парк, потому что дома было слишком тихо, а на улице слишком холодно, и это был единственный известный мне способ не сидеть у окна. Парк у нас небольшой, три аллеи и пруд, который зимой превращается в каток без бортов. Вечером там гуляют собачники, бегуны и люди вроде меня, которые делают вид, что гуляют.

Я почти прошёл мимо. Уже поравнялся, уже отвёл взгляд, потому что у меня есть привычка не смотреть на людей дольше двух секунд, чтобы они не подумали, что я к ним подхожу. Но снег под моим ботинком скрипнул особенно громко, и то, что сидело на корточках, подняло голову.

Это была девушка. Лет, наверное, двадцати восьми. Шапка, из-под которой торчали волосы, шарф до носа, глаза серые и очень внимательные — я это заметил сразу, хотя обычно такие вещи замечаю через месяц.

— Вы его не бойтесь, — сказала она. — Он добрый.

Я посмотрел вниз. Из снега на меня смотрел пёс. Небольшой, лохматый, с одним ухом, которое стояло, а другим, которое не стояло. Вид у него был такой, будто он всю жизнь решал чужие проблемы и очень от этого устал.

— Я и не боюсь, — сказал я. — Я просто мимо.

— Мимо все ходят.

Она сказала это без упрёка. Просто сказала. И вернулась к своему делу. Достала из кармана что-то, завёрнутое в салфетку, кажется, куриную грудку, и протянула псу.

Я стоял. Не знаю, почему я стоял. Наверное, потому, что ноги уже замёрзли и перестали подавать сигналы. Или потому, что дома меня ждал остывший чай, а здесь, в снегу, было что-то, чего я не мог назвать.

— Он ваш? — спросил я.

— Нет. Он ничей. Он тут живёт, у теплотрассы. Я его Шкетом зову.

— А он отзывается?

— На «Шкет» не отзывается, — она выпрямилась и вытерла руки о куртку. — А вот на шуршание пакета — всегда. Он материалист.

Я засмеялся. Неожиданно для себя. У меня был такой день, что я, кажется, неделю не смеялся, и звук получился странный, будто я кашлянул.

Она посмотрела на меня внимательно, так, как смотрят на человека, который в очереди не может найти банковскую карту, но не раздражаются, а ждут.

— Вы замёрзли, — сказала она. — У вас губы синие.

— Я всегда замёрзший, — сказал я. — Это моё нормальное состояние.

Она не спросила, что я имею в виду. Просто кивнула, как будто это была самая обычная информация в мире.

Мы постояли ещё немного. Шкет доел и ушёл по своим делам, в сторону теплотрассы, оставляя на снегу цепочку следов. Я сказал: «Ладно, я пойду». Она сказала: «Ага». Я пошёл. И, честно говоря, весь остаток вечера думал о том, что не спросил, как её зовут.

Через три дня я снова её встретил. Это уже была не случайность, хотя я, конечно, сказал себе, что случайность. Я вышел из дома на пятнадцать минут позже обычного и пошёл не той дорогой, а через парк. Просто потому, что через парк короче. Наверное.

Она была на том же месте, у того же фонаря. Шкет уже сидел рядом, как будто его вызвали повесткой.

— О, — сказала она. — Синий человек.

— Я согрелся, В некотором смысле.

— В каком?

— Не в физическом.

Она опять не спросила, что я имею в виду. И это, пожалуй, было первое, что меня в ней по-настоящему зацепило. Люди обычно спрашивают. Им надо, чтобы ты объяснил, разложил, дал ключик. А она просто брала то, что дают, и не лезла дальше. С ней можно было сказать глупость и не бояться, что тебя попросят её обосновать.

— Я Аня — сказала она.

— А я…

— А вы не говорите. Мне нравится думать, что вас зовут как-нибудь солидно. Вроде Эдуарда.

— Мне тридцать один, — сказал я. — Кажется, я недостаточно солиден для Эдуарда.

— Значит, будете безымянным. Как Шкет. В смысле — не как Шкет. Шкет как раз именной.

Так всё и началось.

В первый раз мы прошли вместе, наверное, километра три. Она сказала, что идёт до круглосуточного за кофе, потому что у неё дома закончился, а ей надо работать. Я сказал, что мне тоже надо, хотя мне ничего не надо было, кроме того, чтобы не возвращаться домой в пустую комнату. Мы купили по стаканчику в автомате у метро, и она сказала: «Это, конечно, не кофе, а горячая коричневая вода, но хоть руки греет». И мы пошли дальше. Просто пошли. Без цели.

С тех пор это стало как-то, само собой. Не каждый день. Но почти. Мы не договаривались, а как-то так выходило, что в половине девятого я уже стоял у её подъезда, а она уже спускалась, застёгивая пальто на ходу, и говорила: «Я опять

не успела поесть». И мы шли.

Это были не свидания. Я хочу это подчеркнуть, потому что мне важно, чтобы вы правильно поняли.

На свиданиях есть сценарий. Там надо быть интересным, надо задавать вопросы, надо в нужный момент положить руку на колено. Там воздух заряжен, там всё время что-то решается. А у нас ничего не решалось. Мы ходили по тихим переулкам, где фонари через один не работают, смотрели на закаты — зимой они короткие и некрасивые, но бывают такие, что лиловые с оранжевым, и тогда все останавливаются и достают телефоны.

Она рассказывала про свою работу. Аня реставрирует книги. Не те, что в музее, а всякие, которые люди приносят из дома: бабушкины молитвенники, старые учебники, книжки с оторванными корешками, у которых страницы держатся на честном слове. Мастерская у неё маленькая, в полуподвале, там всегда пахнет клеем и пылью, и она говорит, что этот запах ей нужен как воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.